

СБОРНИК

ЯЗЫК – ГЕНДЕР –
ТРАДИЦИЯ.

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ

НАУЧНОЙ

КОНФЕРЕНЦИИ

Сборник

**Язык – гендер – традиция.
Материалы международной
научной конференции**

« Пропповский центр »

2002

Сборник

Язык – гендер – традиция. Материалы международной научной конференции / Сборник — «Пропповский центр», 2002

Сборник статей, в которых череду персонажей мифов и сказок, былин и загадок продолжают художник-перформатист Мария Чуйкова и Масяня, Эльфы и хиппи. “Мужское” и “женское” рассматриваются как точка зрения и способ поведения, проявляющиеся на уровне речи (лексика, грамматика), концепции литературного романа и ролевой игры. Содержит ненормативную лексику.

Содержание

Адоньева С.	5
Буфеллах О.	11
Веселова И.	15
Виролайнен М.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сборник Язык – гендер – традиция. Материалы международной научной конференции

Адоньева С. Частушечный агон

Деятельность человека в основном ограничивается выбором между откровенностью и скрытностью в отношении того, что с ним на самом деле происходит. Тот, кто не любит выдавать себя, может сказать о себе, в лучшем случае, что он вообще не отвечает сам за себя, ни за свои так называемые действия, а между тем на самом деле он выбрал прежде и продолжает свободно выбирать границы лицемерия, чтобы оправдать свои действия... Иными словами, реальная деятельность человека заключается либо в мифотворчестве, либо в раскрытии истины. Чем мы и занимаемся¹.

Предварив свое выступление цитатой из Розенштока-Хюсси, имеющей непосредственное отношение к сути интересующего нас предмета, я хочу предложить вашему вниманию несколько общих соображений и конкретных примеров, связанных с бытованием жанра частушки в северно-русской фольклорной традиции. Начнем с частного. Предметом нашего внимания будет, как это следует из названия, частушка, но не в качестве поэтической формы, а как конструктивный элемент неких социальных процедур, рассмотрению которых и будет посвящено сообщение.

Агоном в греческой традиции называлось всякое состязание, (в том числе и в виде речевого диалога), происходившее во время праздников. Сравнение частушечных диалогов с агоническим действием было предложено моей коллегой Ольгой Филановской. Это было во время фольклорной экспедиции 2001 года, работавшей на северном берегу Белого озера (Вологодская область), когда мы обсуждали некоторые факты и обстоятельства, сообщенные нам в интервью. Приведу несколько примеров из этого ряда.

Так, уже так, уже праздник когда, идут с гармонью, и компания, надо что когда ей уже драку начинать, вот и уже такое вызывающее делается, вот называется «ломка перед дракой», в общем, идут и один и вот так, себя так вот, такое, как разминается – и эти, руки и плечи, всем этим, корпусом, и потом еще... ну один так разламывается, другой там идет прямо так <называется> прямо колом дорогу, это... и там с частушками, конечно, с матерными, и... Бот это называется «ломка», на самом деле ее надо смотреть, видеть! Кто крепче ломается – самый заядлый дракун считался этот. И гармошка на развал идет, под хулиганской, специально идет это ломка вся идет под хулиганской... по басам на гармошке играют. На одних на басах – на развал называется...

Значит, там такое действие было, как все равно что по сценарию, такой произвольный импровизированный сценарий. Один идет там ломается, там идет там с колом, там: «Эх ты!...» А второй там идет кто-то частушки поет, гармонист только свое дело делал – играл. А <мы> частушки пели. Там уже

¹ Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994. С. 79.

у них кто как, каждый знал свою роль. В этой компании у каждого своя роль была.

<Это вот деревня на деревню?>

Деревня на деревню, и шатия на шатию.
И частушка была, что <декламирует:>

Шатия на шатию —
которая возьмет.
Наша маленькая Шатия
большую заebet.

Они с такой с поддевкой, чтоб, в общем, задраться, чтоб задеть, такие частушки унижительные в адрес соперника пели. И потом уже начинали те отвечали, потом шли эти...

Идут, короче, пляшут, и этот, индоман идет компания, в ширину вот дороги – от конца, от края дороги до другого края. Посередине гармонист, впереди толпа пляшет, с гармошкой прошли, в общем, сквозь эту толпу, посмотрели и толпа разошлася, и тут человека два-три уже вырубил, лежат уже без сознания на дороге, вот такие случаи были. Я тоже был свидетелем вот таких².

Это – одно из многочисленных описаний праздничного поведения деревенских парней. Частушка в этой ситуации – способ социальной экспликации временного конфликта мужских групп. Она, пропевааясь одним из группы, звучит от лица группы:

Мы ребята-хулиганы роксомския волости...

Обмен частушечными текстами предвдваряет открытый конфликт, т. е. драку, которая служила и служит обязательным элементом мужского праздничного поведения в северно-русской деревне. Иной способ употребления частушки в женской агонической традиции. Из интервью:

<Бывало, что частушка обидная?>

Л. М. Ну конечно, это выпоют все в песне. Сопернице-то.
Н. И. У меня золовушка была, бывала так.

Л. М. Супостатка меня высрамит,
Меня не высрамить.
Пойдет плясать – брюшину выставит
Меня не выставить.
Супостатка – ненаглядка,
Ненаглядное лицо
Не подмигивай, косая
Настрогает бельмецо³.

² Фольклорный архив филологического факультета СПбГУ, Ваш 26-5.

³ Ваш 01-01, видеозапись посиделок д. Мыс Роксомского с/с.

Женская частушка включает в коммуникативный акт не группы, но лица. Она либо декларирует некое состояние «я», либо обращена к «ты», «Мы» в женских частушечных текстах отсутствует.

В данном случае об универсальном гендерном различии частушечного состязания говорить нельзя. Следует отметить лишь тот факт, что частушка включена в сценарий социального конфликта и этот конфликт – весьма специфической природы. Он не является деструктивным для социума в силу своей нормативности. Именно поэтому его следует определить как-то иначе: как состязание или как агон. Нормативна драка как кульминация деревенского праздника (о чем в один голос свидетельствуют все информанты, хотя оценивают ее по-разному), нормативна частушечная перебранка девушек-соперниц во время праздничной пляски. О том же свидетельствует и наличие конвенциональной речевой формы, структурирующей и, более того, легализующей конфликты такого рода. Важно отметить также и то, что частушечный жанр свидетельствует о наличии конвенционально закреплённых типов сценария: группового и личного конфликта-агона.

Наряду с состязанием, частушка знает и иные формы социальных сценариев. Один из них определил наличие особого типа частушек – «примерные». Так их определяют наши информанты. Посредством таких текстов исполнители обнаруживают публично то, что в повседневной норме социального поведения скрывается. В частушечном тексте они открывают сферу своих внутренних состояний, – желаний, страхов, возможностей, скорбей, оценок и пр. Приведем несколько примеров из интервью:

Я дружила с парнем, а вот с тем, за которого замуж вышла. Была у меня подружка тоже. С Калининской области. Вот мы с ней все дружили. Дак она такая интересная. Плясать несколько не по-нашему она плясала и музыка ей не очень наша подходила. Знаете, она какую пела...

Ох, Тома, дорогая,
знаю милого твоего,
Ну и Славка, ну и парень,
Ну и совесть у него.

Я это все как-то в шутку принимала. Я в какой-то степени наивный человек. А потом оказывается, что ей самой хотелось подружиться с ним. И вот в нашей деревне была свадьба. Парень чуть-чуть постарше меня женился. Парень этот был другом моего мужа. Дак мужа пригласили на свадьбу, а меня не пригласили на свадьбу. Из одной деревни. И оказывается, что не пригласили на свадьбу потому, что надо было их свести, мужа с этой девчонкой. Это я потом уж узнала, когда женились он это мне рассказал. Я думаю, чего она такие песни поет. Вбалмошная такая И он тут сидит. <...>

Сам про себя и пел Витька. Или сочинил, или тоже где-то слышал. Но ведь все равно кто-то их сочиняет когда-то. Потом они распространяются. А вот он, это как раз рассказывали, шел мимо дома той девушки, с которой дружил. Шел и эту частушку и спел, чтоб она услышала. Потом она рассказывала, что шел Витька и пел такую частушку.

За веселую гуляночку милашка не ругай.
За решеточки посадят, передачку передай.

<...>

Если, допустим, есть кавалер, встречались, да он отстал встречаться, дак какие-то там и выскажет и обиды. Вот как вот

Рожь высокая, густая,
Поскорее колосись.
Я люблю тебя, миленочек,
И ты не заносись.

Вот, может она хочет привлечь его внимание, вот и споет эту частушку. Может, компания с этим парнем навстречу идет. <...>

Я уж тоже потом это осмыслила. Маленькая была, частушку запомнила (мама пела), а в чем ее смысл, не понимала. Я потом ни от кого больше этой частушки не слышала, только от нее (от мамы).

Тополиночка росла,
в садик обвалилася,
с кем миленочку гулять,
сестра распорядилася.

И оказывается, это на самом деле было что. Ее, с кавалером ее, развела ее сестра. Я так думаю, что она сама и сочинила эту частушку. Больше я никогда ни от кого не слышала ее. <...>

Мое поколение, дак все могли спеть. И мужчины и женщины. Парни вот было идут на гулянье. Так тожо. Если сударушка заносится, дак какую-нибудь примерную частушку и споют, если увидят, что она где-то идет. Он мог спеть: я люблю тебя, сударушка, и ты не заносись. Примерная, значит, подходит к случаю. Так все и выражались, что вчера я так плясала, так плясала, все частушки примерные пела. Все песни примерные пела. <...>

<Исполнительница отметила, что это частушка ее собственного сочинения:>

Мы с миленочком сидели
Посидели, разошлись.
Кто развел, – тому спасибо:
Люди добрые нашлись.

<А были такие случаи? >

Конечно. Его мама меня не хочет замуж взять, пойдет к колдуну. Там пошепчут. Дадут ему поесть или попить. Он меня разлюбит. На другой женится. Меня не возьмет. Вот, видишь: Кто развел, – тому спасибо: люди добрые нашлись. Счастья-то не будет все равно. Потом отойдет, говорят. Говорят, это на время колдовство. Потом отойдет. Все равно он уже любить не будет. <...>

Частушка фиксирует конкретный жизненный факт, постулируя формульным текстом и закрепляя за счет возможного многократного его воспроизведения его каузальную форму. «Он меня разлюбил, потому что его околдовали», или «в моем несчастье виновата моя сестра». Или же, напротив, частушка служит каналом, посредством которого может быть публично передано сообщение, невозможное для передачи никакими иными способами. Важно отметить то, что наличие свидетелей во всех случаях обязательно. По какой-то причине публичность является условием эффективности частушечного речевого акта.

В рассмотрении изложенных выше примеров я исходила из ряда общих тезисов, назвать которые считаю необходимым, для того чтобы высказанное разместилось в нужном исследовательском контексте:

1. Риторическая организация текста является экспликацией его прагматики.
2. Организация текста (высказывания) определяется тем прагматическим контуром, в который он встраивается.
3. Под прагматическим контуром мы понимаем форму социального контекста, создаваемую посредством данного высказывания (текста). Следовательно, при анализе мы можем двигаться от контура к тексту. Мы можем пытаться интерпретировать определенную речевую форму, анализируя социальный контекст ее употребления и, наоборот, двигаться от речевой формы к форме контекста.

Одна из таких корреляций – отношение между агентивной формой фольклорного жанра и спецификой контекста, – и составила предмет нашего внимания:

Данные синтаксической типологии языков говорят о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, «что делаю я», т. е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, «что случится со мной», следуя пациентивной... ориентации⁴.

Человек, обозначая себя в речи в качестве пациента, оказывается индикатором или реципиентом параметров действительности, но не субъектом, изменяющим эти параметры. Это представление закреплено структурой неопределенно-личных конструкций русского предложения (мне весело, мне грустно, мне думается и пр.), характерных и для фольклорного синтаксиса.

Можно предположить, что неагентивность, отмеченная Вежицкой, как характерная черта русского языкового сознания обусловлена определенными характеристиками русской культурной реальности⁵.

Безличные предложения фиксируют когнитивные модели, сформировавшиеся в национальном сознании и соответствующие прототипическим положениям дел. Занимая в ситуации центральную позицию, человек вместе с тем над ней не властен. Он подчинен некоторой – внешней или внутренней – силе⁶.

На фоне общей установки на исходную активность именно «сил», а не человека, переход к агентивности речи оказывается особенно значимым. Знающие о том, что инициатива в изменении реальности не принадлежит человеку, отдают себе отчет в степени ответственности за проявление собственной инициативы. Использование форм первого лица в активном залоге предполагает максимальный градус ответственности. Дело, совершаемое таким выска-

⁴ Вежицка А. Русский язык. // Вежицка А. Язык. Познание. Культура. М., 1996. С. 55.

⁵ О когнитивной модели безличных и неопределенно-личных конструкций русского языка: Арутюнова Н. А. Язык и мир человека. М., 1998. (Ч. X. Безличность и неопределенность). С. 793–870.

⁶ Там же. С. 806.

зыванием, и его результат – полностью под ответственностью говорящего⁷. Лоном, рождающим агентивные формы в фольклоре, оказываются песенные тексты календарных и переходных ритуалов и заговоры. Тем более знаменательно то, что подобные формы оказываются наиболее эксплуатируемыми в жанре частушки, никем не заподозренном в ритуальном характере своего происхождения (и тем более бытования). Существуют две наиболее распространенные противоречащие друг другу точки зрения на происхождение этой формы. По одной из них, частушка есть фольклорный жанр Нового времени, результат влияния фабричного города на крестьянскую культуру (этой точки зрения придерживался, например, Д. К. Зеленин). По другой она есть жанр древний (к этой точке зрения склонялись Соболевский, Линева, Флоренский)⁸. Особого внимания для интересующего нас аспекта заслуживают те характеристики частушки, которые представляют контекст ее бытования. Так, собиратель частушки В. И. Симаков отмечая то, что отмечали многие и до и после него, писал:

...незаконченность, отрывчатость частушки и есть ее главная и характерная отличительная черта... Частушка выражает один момент, одно мимолетное переживание человека⁹.

Но в продолжение этой мысли он высказал соображение, являющееся, на наш взгляд, знаменательным:

Частушка никогда не была песней и никогда не собиралась заменить песню¹⁰.

Так что же она такое и какие социальные действия посредством ее совершаются?

Мне вспоминается характерное сравнение, сделанное одним крестьянином, он сравнил частушку с газетой: – Вы, говорит, все новости городской жизни узнаете из газет, а мы деревенские новости можем узнать из частушек¹¹.

Итак, частушка служит для передачи новостей. Вместе с тем, записи частушек позволяют заметить исключительную пространственную мобильность этих жанровых форм: одни и те же тексты фиксируются на очень отдаленных друг от друга территориях. Тексты частушек очень устойчивы, несмотря на всеми отмечаемую их «сиюминутность». Это позволяет предположить то, что новостью является не сам текст, но акт приписывания некоего текста некоему конкретному факту. Или, точнее, сотворение некоего социального факта – новости (события) – посредством верификации определенного текста. Именно в этом смысле – как временной вектор, воздействующий на динамику социума, обеспечивающий его жизнь во времени, и следует, на мой взгляд, рассматривать частушку в аспекте ее социальности.

⁷ Ср.: «Великий процесс, который представлен у человека полярностью ответственности и притворства, можно, пожалуй, назвать нашей ответственностью. Это непрекращающийся поток ответов, которые человек держит перед лицом своего мира, под взглядом своего Бога и на слуху своего рода...» (Розенпфток-Хюсси О. Цит. соч. С. 79).

⁸ Обзор дооктябрьского периода исследования частушки см.: Орлов Д. В. Русская частушка дооктябрьского периода. (Вторая половина XIX – начало XX века). Автореферат дисс. на соиск. степени канд. филол. наук. М., 1954.

⁹ Симаков В. И. Несколько слов о деревенских припевках частушках. СПб., 1913 С. 11.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 13.

Буфеллах О. Персона в женских снах

Мир сна – это столь же реальное состояние бытия, как и мир дня, – мы не живем во сне в состоянии «выключения», мы просто живем в нем иначе.

Сэмюэл Данкелл

В юнгианской психологии сны являются не только символическим зеркалом личности, но и отражают процесс духовного развития человека, который Юнг назвал путем индивидуации. Этот путь не преодолевается посредством волевых усилий, человек идет по нему естественно всю свою жизнь. Психический центр (Самость), регулирующий духовный рост, является источником сновидческих сюжетов и образов. В снах Самость проявляет себя через символы развития, преобразования, вечности, святости и красоты.

В женских снах Самость часто выступает в облике жрицы, волшебницы, богини, любви или плодородия, Божьей Матери. В качестве примера рассмотрим фрагмент женского сна:

Я стою у излучины реки. Вода в реке так спокойна, что ее поверхность кажется темным зеркалом. Очень тихо, так тихо, что воздух звенит, будто от напряжения. Я чего-то жду. Из-за поворота реки появляется лодка без гребцов. На носу лодки стоит женщина в простой белой одежде, с венком на голове. В ее руках букет из водных цветов: белых лилий, желтых кувшинок. Стебли очень слабые, и цветки висят как поникшие головы. Лодка пристает к берегу в том месте, где я стою. Я подхожу к женщине, и она отдает мне цветы.

В этом фрагменте река и лодка – символы жизненного пути человека, его развития, судьбы, вручение цветов – акт инициации, и мудрая женщина в белой одежде – символ Самости. Еще один пример:

Я стою посреди огромного храма. Вокруг темно, и мне трудно оценить его размеры. У храма нет купола. Наверху я вижу месяц и звезды. Очень тихо. Впереди справа я замечаю золотое свечение. Я направляюсь туда, и мои шаги отдаются гулким эхом. Золотой свет идет от иконы размером с человеческую фигуру. Икона в окладе, от женщины исходит спокойствие и уверенность. Я смотрю на нее, и мне кажется, что она тоже смотрит на меня. У нее в руках скипетр и держава, на голове венец. Я становлюсь вплотную к иконе, поворачиваюсь спиной и влезая в ее пространство, заполняя собой фигуру женщины. В момент слияния с ней, я испытываю чувство блаженства, какого никогда не переживала прежде.

Вне зависимости от пола сновидца образами высшей мудрости могут быть животные (змеи, драконы, крокодилы) особенно если во сне они наделены способностью говорить. Часто Самость предстает в виде камня, кристалла, драгоценностей, золотых монет или слитков, летающих тарелок, Божьего гласа, квадрата или круга. Основная задача появления символов Самости в наших снах состоит в наставлении нас на истинный путь, утерянный нашим сознанием. Следуя пути индивидуации, человек ощущает, что он проживает свою жизнь в соответствии с неким тайным промыслом, – так, будто кто-то сверху берет опеку над ним и его жизнью.

В жизни процесс духовного развития начинается, как правило, с ощущения бессмысленности и пустоты существования. Перед нами возникает препятствие, которое кажется непреодолимым. Этот начальный процесс индивидуации Юнг назвал осознанием Тени. Тень нашей

собственной личности это первое, с чем мы сталкиваемся на пути к Самости. Наша Тень несет в себе все те стороны нас самих, которые мы боимся или недолюбливаем, предпочитая попросту о них не знать. Как правило, теньевые качества собственной личности мы легко замечаем в других людях, с которыми нам трудно найти общий язык. В снах Тень выступает в виде лиц одного с нами пола. Это не случайно, поскольку мы гораздо легче прощаем недостатки представителям противоположного пола, нежели своего. Персонажи Тени преследуют нас в кошмарных снах, погонях, катастрофах, в образах насилия, разбоя, разложения, отвратительных тварей. Смысл Тени во снах амбивалентен, с одной стороны, она отражает негативные качества, которые следует преодолеть, с другой – непривычную для человека, но ценную часть жизни, которую нужно принять. Приведем в качестве примера фрагмент следующего женского сна:

Я в туалете. На полке передо мной лежит старая меховая родительская шапка, изъеденная молью. Я вижу личинки и вылетающих отвратительных грязно-серых насекомых. Их становится все больше и больше, они заполняют все вокруг, я начинаю задыхаться, пытаюсь открыть дверь, но ее заклинило. За дверью слышатся голоса матери и мужа, они о чем-то оживленно болтают. Я хочу позвать на помощь, крикнуть, но не могу.

Сновидица «задыхается» от «старых», полученных в наследство (от родителей представлений (шапка) о жизни и о себе. «Кошмарность» ситуации заключается в конфликте между потребностью в искренних отношениях с близкими (мать, муж) и ее неспособностью открыто говорить о своих чувствах (нет голоса). Теневой аспект сновидения учит прямому и честному выражению себя, несмотря на страх быть непонятой, не принятой, отверженной.

Осознание смыслового содержания Тени является самой сложной проблемой из всех стоящих перед нами на пути духовного развития. Юнг сравнивал этот этап с шестым подвигом Геракла – чисткой Авгиевых конюшен. Восприятие Тени требует от нас повернуться лицом к надвигающейся тьме и смело принять критику со стороны бессознательного.

Персона – это та часть личности человека, которая обеспечивает ему контакты с другими людьми на протяжении всей жизни. Давая определение, Персоне Юнг писал: «Это то, чем человек в действительности не является, но в то же время то, чем он сам, также как и другие, себя считает».

В переводе с латыни персона значит – маска, и обозначает все те социальные роли, которые мы исполняем в жизни. Иначе чем через Персону не происходит нашего взаимодействия с другими людьми.

В сновидениях Персона проявляет себя в образах:

- предметов одежды (все то, что мы носим на себе, снимаем или надеваем),
- трибутов профессии (стетоскоп для врача, колба, пробирка для химика),
- трибутов статуса (то, что отражает карьерный рост, марка машины, счет в банке).

В процессе жизни нам не раз приходится выбирать между интересами профессионального роста и зовом сердца и, если мы выстраиваем жизненный путь в ущерб внутренним интересам, то рано или поздно нам придется пережить отчаянное состояние «потери души». В юнгианской психологии – это конфликт между Персоной и Самостью.

Наше смятение и чувство неудовлетворенности собой будут отражать и сновидения. В качестве примера приведем два сна двадцатипятилетней девушки, учительницы, живущей вместе с родителями.

Я с матерью нахожусь в каком-то магазинчике, выкладываю на прилавок цветные платья, белые, желтые, красные, Я представляю себе, как буду выглядеть в них, отхожу от прилавка и сажусь сбоку. На стене висит темно-синее платье: кривое, несуразное, дурацкое. Мать хочет, чтобы я его купила.

Я доказываю ей, что оно мне не подходит. Говорю, что знаю это точно, встаю и ухожу.

Я в универмаге Пассаж, на втором этаже; захожу в отдел одежды, разговариваю с продавщицей. Магазин закрывается, мы спускаемся вниз и идем по галерее. Там я встречаю свою мать, она идет с сумкой и заводит меня в какое-то помещение, достает из сумки туфли, черные, поношенные, похожие на ортопедические. Они мне не нравятся. Рядом на полу я вижу кучу старой, поношенной обуви, которую приготовила для меня мать.

Во сне наша героиня пребывает в поисках новой яркой одежды, что отражает ее стремление изменить свои социальные перспективы, несмотря на желание матери заставить ее жить по своим «ортопедическим» образцам. Эти два сна отражают сложную ситуацию сновидицы, нерешенную ею проблему отделения от родительских сценариев, когда роль дочери мешает ей осваивать другие, более свойственные ей по возрасту и индивидуальности роли.

В каждой женщине живет мужчина, и каждый мужчина таит в себе женщину. Женскую часть мужской психики Юнг назвал «Анима» (лат. «душа»), мужскую составляющую женской психики – «Анимус» (лат. «дух»). Поскольку Анима и Анимус – это бессознательные составляющие психики человека, то об их качествах мы можем узнать только опосредованно: через сны, фантазии, стереотипы сексуального поведения.

На нашем «сновидческом экране» внутренние мужчина и женщина являются проводниками по миру бессознательной психики, именно они связывают нас с Самостью, но мужчина и женщина идут к ней разными путями. Для мужчины этот путь заключается в душевном развитии, а для женщины в духовном росте.

У женщины «мужчина внутри» принимает решения, вырабатывает принципы и идеалы, обеспечивает профессиональную карьеру, учится, воспитывает детей. «Мнения Анимуса, – писал Юнг, – часто имеют характер солидных убеждений, поколебать которые нелегко, или принципов, которые якобы непременно общеобязательны». Формирование характера женщины осуществляется под влиянием отца, он наделяет ее набором «безусловных истин», суждений на тему «как должно быть», с которыми потом она трудно расстается в жизни. Анимус у женщины, также как и Анима у мужчин, может проявлять себя как негативным, так и позитивным образом. Негативный Анимус лучше всего определяется как предрассудок или предубеждение. Его проявления мы видим в жестоких и опрометчивых поступках, которые может совершить вполне благоразумная женщина. Проекцией негативного Анимуса являются тайные, упрямые, злобные мысли, склонность к истерическим сценам. В сновидениях негативный Анимус проявляется в образах мертвецов, демонов, насильников, убийц, колдунов. Позитивный Анимус можно узнать в образах героев, романтических любовников, общественных и политических деятелей, духовных учителей.

Ценность Анимуса состоит в том, что он устанавливает связь с Самостью через творческую активность женской личности. Приведем пример женского сна с образом позитивного Анимуса.

С соседского огорода идет мужчина, атлет, волосы как у русичей: длинные, светлые. Он весь прозрачный и весь – огонь. Он переходит на наш огород, и я останавливаю его рукой на расстоянии и отвожу за забор. Там я протягиваю ему руки, касаюсь его пальцев своими, и в меня перетекает его огонь, но во мне он становится более светлым. Огонь доходит до самых пальцев ног. Я вижу свое тело как бы со стороны – прозрачное с золотым огнем внутри.

Во сне мужская огненная фигура похожа на Сварожича, в славянской мифологии – духа земного огня. Ему приписывали очистительные и целебные свойства. Огонь общекультурный

символ преображения, то, что его носитель во сне – мужская фигура в женском сне, означает, что сновидица приобрела некое духовное посвящение.

Осознание Анимуса у женщины занимает длительное время и осуществляется через боль и страдание. Ценой этих страданий является превращение «мужчины внутри» во внутреннего спутника, который наделяет ее мужскими качествами – инициативой, смелостью, широтой ума и мудростью.

Веселова И. Гендер в поздравительных открытках

В этом сообщении я понимаю под «гендером» культурную категорию, отражающую различия и сходства по полу. Пронаблюдать эти различия и сходства я предлагаю на примере поздравительных открыток. Поскольку существует открытка в России чуть более 100 лет, можно позволить себе проследить весь ее короткий век. В соответствии с историческими периодами российской истории, открытка подразделяется на дореволюционную, советскую и постсоветскую (наряду с «бумажной» появляется и электронная версия открытки).

Иллюстрированная почтовая карточка, совершив подлинную революцию в культуре визуальных знаков, шагнула в быт горожанина <... > Популярности способствовало и низкая цена и то, что иллюстрированная открытка имела широкую сферу использования: с ее помощью можно было не только поздравлять с праздниками своих родных, друзей и знакомых, сообщить новость, напомнить о себе, назначить встречу, объясняться в любви (существовали даже почтовые языки объяснений), ее можно было еще и коллекционировать¹².

Одна из основных функций открытки в современной культуре – это допустимый приличиями поздравительный минимум.

И как из песни не выкинешь слов, так из открытки не выбросишь картинки. Визуальный сюжет открытки очевиден при всей ее условности. Гендерные отношения проявляются в поздравительной открытке в разных формах. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты:

- 1) повод для поздравления, т. е. праздник;
- 2) визуальные знаки – «картинки».

Как повод, так и картинки могут быть как маркированными, так и нейтральными с точки зрения гендера. Для начала проанализируем поводы для поздравления. В дореволюционной России таковыми были:

- 1) важнейшие годовые религиозные праздники (Рождество Христово, Пасха)
- 2) светский Новый год
- 3) личные религиозные праздники – День Ангела.

Праздничные поводы с точки зрения гендера нейтральны: на поздравления могли в равной степени претендовать как мужчины, так и женщины.

Декретом «О введении в Российской Республике западноевропейского календаря» отменялись «религиозные и старорежимные праздники» и вводились новые – «памятные дни великих событий революционной борьбы трудящихся России и всего мира», а именно, Кровавое воскресенье, День памяти Либкнехта и Люксембург, День Красной Армии, День работницы, День в память Парижской коммуны, Приезд Ленина в Петроград, Первомай, «Июльские дни», Октябрьская годовщина, День в память Московского вооруженного восстания»¹³. Практическое отсутствие поздравительных открыток советского довоенного периода в коллекции Публичной библиотеки вполне объяснимо. Треть из этих «праздников» являются поминальными днями, поздравлять с которыми странно, для трети – неясен поздравительный повод и адресат, для визуального оформления оставшейся трети потребовалось время.

¹² Комболин Ю. Поздравительная открытка в России (конец XIX – начало XX века). СПб., 1994.

¹³ Овчинникова О. Что нам стоит дом построить: традиционная крестьянская культура как основа... Тампере. С. 30.

Тиражи и количество сюжетов открыток возрастает к концу 50-х гг. Первомайские праздники, день Октябрьской социалистической революции, только возникший День победы, – набирали свою праздничную мощь, чтобы в начале семидесятых вылиться в миллионные тиражи, обслуживающие поздравительный бум. В это время в цикле гендерно нейтральных праздников выделяется уравнивающие друг друга 23 февраля и 8 марта:

Ну 23 февраля это мужской день ну как 8 марта женский день а это мужской когда в школе были всем мальчикам в этот день подарки дарили концерт был танцы¹⁴.

Ситуация с открыточно-поздравительными праздниками изменилась со сменой идеологического и культурного фона. Нынешний годовой цикл праздников, согласно рубрикации сайтов с открытками (в данном случае [www. mail. ru](http://www.mail.ru)), выглядит следующим образом:

День рождения:

Цветочки жизни, Поздравления, Имена, С новорожденным, С днем ангела, Торты и свечи, Знаки зодиака, Шутливые...

Времена года

Пора отпусков, Осень наступила..., Лето, Весна...

Фотографии

Автомобили, Города и страны, Приглашение на обед, Кошечки, Красоты природы, Разные зверушки, Собачки, Жучки-паучки. Виртуальный цветник...

Лучшие открытки

К 1 апреля, к 1 и 9 мая, к 8 марта, к Пасхе, к масленице, ко дню пионерии, ко Дню космонавтики. Открытки от пользователей, Татьянин день и день св. Валентина...

Зимние праздники

Лучшие новогодние открытки:), MAIL.RU поздравляет:)))...

Таким образом, конец XX в. – начало XXI в. представляет собой пик с точки зрения количества гендерно-маркированных праздников или поводов для поздравления: 23 февраля, 8 марта, День св. Валентина. Принципы паритетности полов соблюдены в полной мере, и к m-празднику и f-празднику добавился mf-праздник, предполагающий поздравления как романтическое взаимодействие адресатов (как видно из ссылки mail.ru к Дню св. Валентина присоединился «парный» День св. Татьяны).

Из праздников личных остались дни рождения и открытки с новорожденным/ой, соответствующей голубо/розовой раскраски.

Теперь вернемся к визуальным рядам, Ведь даже самый нейтральный поздравительный повод может стать источником сюжета.

Из просчитанных 88 дореволюционных открыток российских издательств можно представить следующую схему взаимоотношения полов в сюжетах открыток:

1) пейзажные, видовые и натюрмортные поздравительные открытки: 13,

2) персонажные открытки: 75, из них

Пары m+f: 26 (PX 7, Пасха 18, День Ангела 1), из которых:

Кавалер – барышня

¹⁴ Там же. С. 70.

Медсестра – воин

Благотворители

Мальчик – девочка;

Женские f: 8 (РХ 1, Пасха 5, «Поздравляю» 2) f+f 10 (5 ХВ, 2 РХ, 1 НГ),

из которых:

Барышни

Мать-дочка/Игра в дочери-матери.

Мужские m 8 (3 ХВ, ЗРХ, 1 НГ, 1 ДА)

m+m 5 (2 РХ, 2 ХВ, 1 П)

Семьи m+f 3 (Новый год)

Группы 12 (3 РХ, 8 ХВ, 1 НГ)

n (ангел, дитя) 2 ХВ

Наибольшим сюжетным потенциалом во взаимоотношениях полов в дореволюционных открытках обладают поздравительные открытки с Пасхой. Продуктивно используемым образом стал обряд христосования. Изначально – завершающий пасхальную службу, когда «Верующие поздравляют друг друга с праздником Пасхи, когда один говорит «Христос воскрес!»», а другой отвечает «Воистину воскрес!»». По замечанию автора статьи «Христосование», «в некоторых местах при этом считалось неприличными прилюдные поцелуи и объятия мужа с женой»¹⁵. Создатели открыток используют поведенческий стереотип для поздравительно-романной интриги (христосующиеся кавалер и барышня, в soft-версии – дети) предполагают соответствующие отношения адресата и адресанта открытки. Поскольку активность в поцелуях предписывается в отечественной культуре мужчинам¹⁶, интрига – прозрачна...

Инициаторами поздравлений с сюжетом в открытках могли быть и барышни. Так две открытки времен Первой мировой войны изображают грезящих о своих кавалерах-военных барышни-невесты. В данном случае открыткой используется известный сюжет рассказов о святочных гаданиях на суженого-ряженого. Программирующий жизнь сценарий святочных гаданий остается виртуальным в картинке открытки и воплотившимся в жизнь сюжетом¹⁷ адресата и адресанта акта поздравления,

Любопытно, что за 100 лет существования открытки из ее картинке «ушли» персонажи, оставив лишь знаки своего присутствия. Так из двух дюжин открыток, выставленных в витрине одного из почтовых отделений Санкт-Петербурга в середине февраля 2002 г. (апофеоз мужских-женских-влюбленных дней):

– 8 имело отношение к 23 февраля и изображало военную технику (3), букеты «мужских» цветов – гвоздик на фоне российского триколора (6);

– 5 с «женскими» тюльпанами, нарциссами, мимозами, розами, снегами, ручейками (сочетание бутонов и распустившихся цветов, снегов и первых цветов предполагает, видимо, «вечную молодость» поздравляемой) относились к 8 марта;

– 5 с парными сердечками (сердечки розовые и голубые, в шляпе и с кружевами), котом и кошкой, медведем и пчелой, наверное, предназначались к 14 февраля.

¹⁵ Русский праздник: Иллюстрированная энциклопедия / Баранова О. Г., Зимина Т. А., Мадлевская Е. Л. и др. СПб, 2001. С. 625.

¹⁶ Исключение, подтверждающее общее правило: реклама женских духов «Hugo Boss» со слоганом «твой запах – твои желания» и видеосюжетом с девушкой-вамп, вожаденно набрасывающейся на безмятежного юношу.

¹⁷ О взаимоотношениях сценария и сюжета: «Как способы и варианты разыгрывания жизненных историй они («тексты» – И. В.) образуют совокупность заданных культурной традицией жанровых регистров (сценариев/фреймов), выбор которых позволяет иметь предсказуемое будущее <...> Использование культурных сюжетов в качестве интерпретации своего прошлого не означает ни того, что использующий действительно имел в своей жизни подобную историю, ни того, что он лжет». Адоньева С. Б. Категория настоящего времени. СПб. 2001. С. 103–09.

При всей условности изображения на современных открытках гендерная адресация легко угадывается пользователями. Кроме того, прозрачны и гендерные сценарии, лежащие в основе изображения. Например, картинка одной из современных почтовых открыток к 8 марта: ваза с фруктами, три розы, две наполненные рюмки вина и мягкая драпировка... К чему бы это?

Виролайнен М. Сумбека, царица змеиного царства

О судьбе казанской царицы Сумбеки (Сююм-Бике) подробно рассказано в «Казанской истории» – обширном сочинении XVI в., посвященном завоеванию Казани Иваном Грозным. В книге М. Б. Плюхановой «Сюжеты и символы Московского царства» показано, что взятие Казани трактуется в этом тексте как эквивалент взятия Царьграда (или цареградских областей), которое, в свою очередь, является эквивалентом овладения царственной силой. Как некогда Владимир взял Корсунь, устранив византийских царей и заставив их выдать за себя греческую царевну Анну, вместе с которой он получил и крещение, так Грозный берет Казань, подтверждая тем самым свой царственный статус. Женским персонажем, аналогичным Анне, в «Казанской истории» выступает Сумбека. Обе истории разворачиваются по модели трехчленного фольклорного параллелизма «взятие города/брак/воцарение». Царь Шигалей (хан Шах-Али) выступает в роли заместителя Ивана Грозного¹⁸.

Рассказ о царице Сумбеке в «Казанской истории» действительно ориентирован на определенный комплекс восходящих к фольклору канонических представлений. Но этот канон подвергся в «Казанской истории» столь существенной трансформации, что скорее здесь следует говорить о его разрушении.

История брака Сумбеки и Шигалея на первый взгляд кажется исполненной противоречий. Сумбека неоднократно изъявляет свою готовность стать женой Шигалея, но когда он становится ее женихом, посылает ему отравленное угощение и сорочку, пропитанную ядом. Разгадав ее умысел, разгневанный Шигалей отправляет царицу, как полонянку, в Москву. Оплакивая свою участь, Сумбека горько упрекает Шигалея в том, что он не пожелал взять ее в жены. Упрек кажется не вполне уместным после попытки извести жениха. Но по прошествии времени брак все-таки заключен.

Противоречия и неувязки этой истории снимаются, как только она оказывается осмысленной через фольклорный канон. По отношению к Шигалею Сумбека ведет себя как непобедимая эпическая невеста, добыть которую можно только пройдя через специальные испытания. Жених или его заместитель, не выдержавший испытаний, обречен смерти. Тот же, кто их выдерживает, получает невесту.

¹⁸ Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 171–199.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.